

Татьяна ФЕДОРОВА: «УЧИТЕЛЬ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА БЫТЬ НЕИНТЕРЕСНЫМ»

Каждый человек прошел через школу, и для многих слова «первый звонок», «первый учитель» отнюдь не пустой звук. Школа дает нам тот необходимый минимум знаний, с которым мы вступаем во взрослую жизнь. А дальше вуз, работа, семья... Но воспоминания о школе всегда стоят особняком и вызывают добрые, теплые чувства в бесконечной веренице взрослых забот. В среде сегодняшних спорных, а порой просто непонятных так называемых школьных реформ, нищенских зарплат педагогов и слабого финансирования, толки об упадке среднего образования имеют под собой все более прочную основу. Но, по большому счету, качество обучения в школе зависит не от материальных вливаний, а от яркости и неординарности людей, непосредственно к этому обучению причастных, – учителей. И сегодня у нас в гостях, безусловно, творчески одаренная и нестандартная личность – педагог по русскому языку и литературе московской школы №1071 Федорова Татьяна Викторовна, названная лучшим учителем 2003 года г. Москвы и вошедшая в пятерку финалистов на конкурсе «Учитель года России».

С учениками 11«В» класса. 2003 г.

– Татьяна Викторовна, расскажите, пожалуйста, немного о себе.

– Я являюсь коренным жителем района Северное Бутово. До 1986 года наш микрорайон считался Московской областью. Я училась в совершенно обычной школе, добиралась до нее на автобусе. Детство мое прошло в тиши лесов и полей, в деревенском окружении. Мои родители инженеры, отец довольно известный в области физики человек. Брат самолетостроитель, поэтому вся семья у нас сугубо техническая и, естественно, основные предметы в школе для меня были математика, физика и уж никак не русский язык и литература.

Когда я училась в седьмом-восьмом классе, родители решили занять мое свободное время чем-нибудь полезным и записали меня в Студию эстетического развития, находящуюся во Дворце пионеров на Ленинских горах, ныне это Дворец творчества. Так я попала в руки человека, который меня в принципе, сделал как личность. Это руководитель студии Евгения Семеновна Абелюк. У нас были углубленные занятия литературой, поездки, фольклорные экспедиции, походы, встречи с писателями, критиками. К этому времени относятся и мои первые работы, за которые я стала получать награды. Одна из них участвовала в фестивале народного творчества, и там была отмечена Малой золотой медалью ВДНХ. Самое интересное, что она была посвящена теме «Гамлет в творчестве Высоцкого», а на медали было написано «За успехи в народном хозяйстве». Это было в конце 80-х, когда Высоцкий еще не был признан как часть литературы. И поэтому работа была спорная, по-юношески задорная. Может быть, на этом фоне она и выиграла. Но тем не менее это был мой первый успех, я поняла, что могу разбирать литературные произведения, находить в

них смысл, и что для меня это несложно. А если так, то почему бы не делать это более качественно, и почему бы не научить этому других?

Родители хотели, чтобы я пошла в технический вуз, но я договорилась с ними, что сначала буду поступать самостоятельно. Если же не получится, то на следующий год пойду туда, куда они скажут. Так я оказалась в Ленинском педагогическом университете. Пять лет обучения показали, что я выбрала правильную дорогу. Окончила вуз я с красным дипломом. Мне было очень легко учиться, но сейчас я понимаю, что чему-то недоучилась, и мне сегодня не хватает тех лекций, которые я тогда пропустила.

– Как Вы попали в 1071 школу?

– Учась на пятом курсе, я стала пропускать особенно много, и решила, раз у меня есть свободное время, пойти поработать в школу. Я хотела понять – мое это или не мое. Так я попала в 1071 школу, ей был тогда всего один год. Район только застраивался, и это была одна из первых школ здесь. Выбрала ее по двум причинам. Во-первых, я была наслышана, что директор школы Ирина Николаевна Щербо – интересный и творческий человек, в чем я сама впоследствии убедилась. Начальство хвалить не принято, но скажу откровенно, что Ирина Николаевна тоже сыграла эпохальную роль в моей жизни. Благодаря ей я пошла учиться в аспирантуру, оказалась на конкурсе. Она сразу поняла мои возможности и дала мне простор для развития. Львиная доля того, что я достигла в своей профессии, – это заслуга Ирины Николаевны. То же самое про нее могут сказать большинство педагогов в нашей школе. Вторая причина чисто бытовая. Я считала, что ученик не должен встречать учителя, когда тот, например, идет выносить мусорное ведро. Учитель не должен без

причины появляться перед учеником в шортах или тренировочных штанах. Поэтому я стремилась выбирать место работы, которое было бы рядом с домом, но не совсем близко. Чтобы, выходя гулять с детьми, я не так часто встречала своих учеников. Идеальным местом оказалась эта школа. Так я работала, работала, вышла замуж, появился ребенок, потом второй. Когда родила второго, стала понимать, что чего-то в жизни не хватает и поступила в аспирантуру. Я вернулась в свой родной вуз семь лет спустя, поступила на кафедру методики преподавания литературы. Отучилась, и сейчас я и учитель, и заместитель директора по научно-методической работе. Работы очень много, но я до сих пор получаю от нее огромное удовольствие, и собираюсь продолжить свое образование. Я мечтаю пойти в МГУ и получить второе высшее, культурологическое. В моей профессии мне этого не хватает.

– Помните Ваш первый урок?

– Первые уроки у нас были на практике. Я помню, что на самый первый урок меня не допустили, поскольку к нам достаточно строго относились с точки зрения внешнего вида, а в то время страна наша одевалась не очень хорошо. Все, и я в том числе, вязали и шили по журналу «Бурда». И я на первый урок пришла в вязаном свитере и юбке, а мне сказали, что мой внешний вид не соответствует внешнему виду учителя, что учитель в этом смысле не должен отличаться от доски. То есть я не должна тянуть на себя внимание. А я так оделась, что могу это внимание перетянуть. И мне пришлось купить себе длинную юбку, которую я надевала прямо перед уроком, потом тут же ее снимала. Но, к счастью, эта эпоха быстро закончилась.

Уроки на практике поначалу казались какой-то милой игрой. Дело в том,

Татьяна Федорова – лучший учитель Юго-Западного округа. Март 2003 г.

что, когда приходишь работать в школу, сначала тебе дают более или менее хороший класс, и в какой-то момент ты начинаешь относиться к ученикам, как к своим детям, переживать каждый их вздох. Начинаешь ставить себя в центр детского мира и думать, что если ребенок сегодня сидит грустный на уроке, то это потому, что ты плохо ведешь урок. Ты не думаешь о том, что у него что-то случилось, что он на перемене поссорился с лучшим другом. Но постепенно уходишь от этого гипертрофированного чувства ответственности за состояние ребенка, и начинается нормальная профессиональная деятельность. Главный принцип моей работы – это то, что я всегда прихожу на урок пообщаться и поучиться, потому что дети очень многому могут научить, когда дело касается бытовых ситуаций. Ребенок иногда может сказать такую вещь по поводу литературного произведения в плане тонкого наблюдения над деталями, – так как дети здесь более зоркие, чем взрослые, – до которой ни один критик не додумается.

Так и осталась я работать в школе. И постепенно стала понимать, что надо относиться к ученикам так же, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. Я не прошу, чтобы меня любили, любить надо своих родителей, я хочу, чтобы меня уважали. И я не покривлю душой, если скажу, что отношусь к своим ученикам так же, и любой человек, который у меня учился, может это подтвердить. Я не называю детей на «вы». Когда ученик не готов к уроку, то обращение «вы» есть, скорее, элемент унижения. Хотя у меня были ситуации, когда дети просили называть их на «вы», и я называла. Со

старшими классами я готова так разговаривать. Но большинству проще на «ты». Может быть, у нас нет этой западной системы сознания, когда от местоимения зависит и отношение.

– Каких личностных качеств Вам, может быть, не хватает в Вашей профессии?

– Моя беда в том, что дети меня совсем не боятся. У нас очень большой объем классической литературы, и иногда надо, чтобы они боялись, чтобы из боязни прочитали. У меня душа болит оттого, что они не читают, но как бы я ни хмурила брови, у меня не получается. Более того, я не умею кричать на уроке. Самое большее, что я могу сделать, это сказать: «Сейчас я соберусь с духом и на вас накричу». Весь класс будет сидеть и улыбаться. А дети чего ведь бояться? Боятся в основном громкого голоса, плохих оценок. Я вообще не считаю, что оценка – это инструмент управления учеником. Инструмент управления – это отношение, уважение и интерес к предмету. Поэтому мне иногда мешает, что меня не боятся. Но так, наверное, сложилось, и я детям пытаюсь объяснить, что, когда мы боимся друг друга, получаются отношения «слабый – сильный». И я-то, в принципе сильный, самоутверждаюсь за счет слабого. Потому что когда человек кричит, это проявление слабости. Хотя иногда, когда очень шумно в классе, бывает нужно повысить голос, чтобы дети притихли, но я просто молчу. Я делаю умное лицо, киваю головой и посматриваю на часы. И все замолкают максимум через минуту. Если в классе возникают проблемы с дисциплиной, – ведь не всегда интересно то, что прихо-

дится изучать, – есть два пути: можно повысить голос, а можно понизить. Когда ты понижаешь голос, все начинают вслушиваться и наступает тишина. Это действует со всеми классами. Достаточно просто себя нормально вести. Любому классу можно объяснить: «Если хотите, я буду кричать. Когда я буду кричать, я буду унижать вас и себя. Хотите? Не делайте из меня такого человека», и

На финале конкурса «Учитель года России» в Кремлевском Дворце съездов с дочерью Викторией. 2003 г.

Выпускной вечер. 25 июня 2004 г.

дети понимают. И еще я им иногда говорю, что пришла сюда учить, а не контролировать. Если бы я хотела контролировать, то пошла бы билеты проверять. Так что послушайте и не разговаривайте.

Можно работать интеллигентно с любым классом, я вас уверяю. Хотя дети всегда провоцируют. Придешь первый раз, и обязательно кто-нибудь начнет ерничать, не сделает домашнее задание, кто-нибудь встанет «на уши» и посмотрит, что ты сделаешь. И как только ты покажешь свою слабость и начнешь кричать, класс почувствует свою моральную победу над тобой. Ты показал свою слабость – ты закричал, тебя довели. Как-то один мальчишка мне создался: «Знаете, а я на вас поспорил деньги». Я говорю: «Как это?». «Да мы с другом поспорили, что я вас доведу, и вы закричите. Я специально сел на первую парту и полгода вас доводил» Я просто иногда не замечаю таких ситуаций, мне так проще.

– Как Вы относитесь к неуспевающим ученикам?

– А что значит неуспевающий ученик? Ученик, которому я плохо что-то рассказала? Это моя беда. Не бывает глупых учеников. Есть разные типы сознания, разные типы темпераментов. У одного знаковая система – он воспринимает все через схемы и таблицы, другому надо показывать картинки, с третьим надо буквально лепить, руками трогать. Это разные знаковые системы, да и мы все разные. И если человеку, который все воспринимает зрительно, я буду на слух читать километровые лекции, естественно, он мало что поймет и запомнит. Но опять же, если мой ученик имеет оценку в районе тройки – это моя беда. И я чувствую свою вину перед этим человеком. Я смотрю, что и как, анализирую ситуацию. Если я вижу у ученика безответственное отношение к жизни, то есть он пришел в класс для того, чтобы просто отсидеть, то приходится применять морально-нравственные

разговоры с привлечением психолога, родителей для того, чтобы выяснить, к чему же он стремится в жизни, и стоит ли по сорок минут постоянно выкидывать на ветер – может быть, когда-то тебе именно их и не хватит. И в принципе любой человек, начиная с шестого класса, это понимает. Уж, коль ты пришел сюда, то должен максимум для себя взять. Если человек систематически не делает домашнее задание, мы разбираемся: почему так происходит. У меня были такие. Я и оценки плохие ставила, и в дневнике писала, что все плохо. А потом мы разговариваем с ребенком, и выясняется, что у него нет своей комнаты, и домашнее задание он делает в туалете. Представляете? Естественно, что его все время оттуда выгоняют. И вот после этого я понимаю, в чем корень всех проблем.

Есть дети, которым это не интересно, я понимаю, что не может быть все время интересны русский язык и литература, что все дети разные, и что если человек не похож на тебя, то это его подарок тебе. Он не похож на тебя, так давайте поучимся тому, что есть у него, и чего нет у тебя. Да, он у меня плохо пишет, но когда мне, допустим, надо мебель в кабинете собрать, приходят такие вот дети и говорят: «А давайте мы вам соберем шкаф». И я смотрю, как они делают, и учусь. У нас получаются равноправные партнерские отношения. Это не значит, что я им поставлю завтра пять по русскому. Если бы они вели у меня труд, они бы мне поставили два и были бы правы. Поэтому не бывает глупых учеников, бывают дети, в которых мы не разобрались. Есть дети, к сожалению, с психическими отклонениями, которые должны учиться в специализированных школах, с которыми должны работать опытные психологи и психоневрологи. Таких детей год от года все больше.

– То есть, по Вашему мнению, если ученик не успевает, то это вина учителя?

– Это не вина учителя целиком, это вина той среды взрослых, которая его окружает, поскольку мы несем за него ответственность. Это значит, что где-то мы не разобрались и не нашли общего языка. Год от года становится труднее общаться с родителями. Родители иногда впритык не видят проблем своего ребенка. Считают, что все хорошо, все замечательно. А раньше родители работали лучше с нами. Они нас слушали, слышали, что мы говорим. Мне сказала одна мама: «Когда мой ребенок в школе, я спокойна. Он у вас как в камере хранения». Но мы не приемщики в камеру хранения. А родители понимают так: вот мы привели ребенка, собрали ему портфель. В три часа мы его заберем. Но то, что он делает до трех часов – это ваши проблемы, а не наши. Вот это беда. Да, я понимаю, что родители заняты,

С коллегой, учителем географии О.К. Белявской

устали, зарабатывают, но никто не давал им права отказываться от проблем своего ребенка. Может быть, это те самые родители, которых мы воспитали. Есть очень заинтересованные родители, а есть такие, о которых я уже говорила. Ни в одном нормативном документе не написано, что школа должна воспитывать. Воспитание у нас проходит в семье. Школа помогает, содействует, а все больше и больше родителей считают, что школа должна воспитывать. У нас нет таких параметров. И когда мы начинаем выяснять, что у нас, оказывается, разные цели и разные задачи, возникают конфликты. Поэтому я считаю, что плохих детей нет, есть дети запущенные, есть дети больные, есть дети несчастные, брошенные. А совсем отпетых и отъявленных негодяев – нет.

– Упал ли авторитет учителя в России?

– Он не упал. В каком обществе мы жили? Тоталитарном, да? Были главные и подчиненные. Худо-бедно мы сейчас переползаем в демократическое общество. С трудом переползаем. Вот также с трудом переползают и школа в демократическое общество. Потому что у нас нет по-настоящему партнер-

Последний звонок. С 11«А» классом. 2004 г.

ских отношений, и партнерство часто заменяется панибратством. То же самое, что происходит у нас в высших эшелонах власти. Поэтому в школе авторитет учителя не упал, а понятие панибратства появилось, безусловно. Почему? Это отражение процессов происходящих в нашем обществе и ничего больше. Школьная модель общества. Знаете, что интересно: если принять как факт, что авторитет учителя упал, то останови любого ребенка и попроси его перечислить учителей, которых он уважает. Так вот из 15 педагогов минимум 7–8 он вам перечислит. В любой школе. Так упал или не упал? Авторитет не упал, наоборот, может быть, даже возрос. То есть нам детей доверили полностью, вот в чем дело. Если раньше к учителю прислушивались, то теперь ему говорят: «Вот это ваше». Это как нормальная ситуация западного разделения труда. Если мы с вами программисты, вы – специалист по клавиатуре, я – специалист по монитору, и если у нас что-нибудь сломалось, то мы позвем третьего, который отвечает за соединительный шнур, мы не будем сами копаться. Вот такое же разделение труда начинается у нас происходить между родителями и школой. Раньше мы все отвечали дружно за все и умели это делать. Сейчас нет. Сейчас воспитание, образование это ваше, а одеть и обуть должен я. Вот я одеваю, обувую, почему вы не воспитываете? То есть тут идет непонимание целей и, может быть, какая то усталость людей

от жизни. Раньше мы все были уверены в своем светлом будущем, в том, что нас государство не бросит. И что? Бросило же. И, конечно, хочется, чтобы о твоём ребенке, кроме тебя, позаботился еще кто-нибудь. И пусть это будет специалист, ты с удовольствием отдашь его в руки специалисту. А когда мы пытаемся еще и подключить родителей, действительно, у многих опускаются руки в связи с тяжелыми социальными ситуациями. Наша школа окружена домами, которые построили для работников ЗИЛа. Понятно, что произошло с заводом. Понятно и то, что сейчас происходит в этих семьях. Идет полное разорение, поэтому мы не можем, например, ввести школьную форму. Если мы зарабатываем на каких-то дополнительных образовательных услугах, то все отчисляем в фонд школы. Любый карниз, любая шторка – это проблема. Диван купили – праздник. Все дети, со всех этажей, приходят на этом диване посидеть. В общем, ситуация тяжелая. А детки у нас умные, хорошие, хотят учиться, понимают, что богатые родители их не спасут, что надо самим пробивать себе дорогу.

– Что учитель категорически не должен делать на уроке?

– Он не должен давить: что вот я сказал – и все. Понимаете, тут очень тонкая грань. Я должна выслушать мнение ученика и склонить его к своему мнению. Но я не должна это делать приказным тоном, я не имею права не выслушать, я не имею права не отреагировать, если

там даже есть всего лишь зернышко, крупичка здравого смысла. Учитель не должен быть авторитарным. К счастью, мне кажется, это уходит в прошлое. Еще учитель не имеет права быть неинтересным. Нельзя прийти на урок, когда тебе самому неинтересно. Конечно, учитель имеет право на плохое настроение, на проблемы в семье, в личной жизни. Но, может быть, сегодня у ребенка из твоего класса день рождения. Почему ты должен зачеркивать его радость своей грустью? Класс пойдет за тобой, у тебя все-таки преобладающее положение. Учитель не должен переносить свое настроение на детей. Он должен контролировать себя. И еще учитель не имеет права быть человеком, который не учится. Он не имеет права быть всезнайкой. Все, это смерть.

– На Ваш взгляд, чему человек учится, читая литературу?

– Каждая книжка – это книжка про нас с вами. Разве в нас не сидит Раскольников, который иногда говорит: «Зачем этот человек тут нужен? Я сейчас лучше сделаю то дело, которое он делает, но я сделаю лучше, и всем будет хорошо». Сидит? Сидит. В нас не сидит Андрей Болконский, который мечтает о своем Тулоне, что он, будет, как Наполеон, на белом коне, и все будут ему поклоняться? Сидит. В нас не сидит Татьяна Ларина, чья «душа ждала кого-нибудь»? В нас не сидит Печорин, который хочет всех оценить и всех свести на нет, а потом взять испытать свою судьбу – так или не так? Сидит, понимаете?

А «Кому на Руси жить хорошо?» Я когда смотрю передачу «Поле чудес», все время вспоминаю произведение Некрасова.

– Вы хотите сказать, что человек, читая литературу, познает себя?

– Конечно. Только себя. Дело в том, что он открывает в себе какие-то новые стороны, он видит себя по-другому. В каждом из нас Гамлет: быть или не быть, да? Сделать или не сделать. Даже в элементарной бытовой ситуации. Любое произведение возьмите: мировой литературы, русской литературы – это все про нас, это все про тебя. Просто иногда не очень хочется про себя читать. Вот в чем дело. Иногда нам не хватает как бы мужества почитать про себя. Иногда легче отказаться, отвернуться. Сказал Базаров: «Гниль, художество. Что это за любовь, что там может быть?» А вспомните, как он мучился, бегал по лесу, ломая ветки, понимая, что взяла власть над ним Одинцова, а он все говорил, что это гниль, художество, откуда взялся романтическому взгляду? А ведь есть откуда взяться. Понял он это. Вот в чем дело. Понимаем, мы читаем про самих себя, мы познаем самих себя, мы открываем мир, который вокруг нас. А в каждом из нас есть часть культурной памяти, хотим мы того или нет. Часть от наших дедов, прадедов, всех остальных, которые тоже читали эти книжки и варились в этих историях. И поэтому литература – это как бы культурная память народа, я бы сказала – культурное самосознание каждого человека. Очень многое зависит от того, какие книги мы читаем в детстве – они оказывают влияние на наше развитие. Можно дать хрестоматийные примеры: Ленин прочитал «Что делать?» и сказал, что «меня этот роман всего глубоко перепахал». Мощно высказался, правильно? А есть такие книжки, которые вроде бы и ни про что, однако всплывает ситуация дежавю, то есть где-то ты уже сталкивался с этой проблемой, и где-то тебе уже рассказали, чем это закончится. Поэтому, в общем-то, я считаю, литература, конечно, – огромная, великая классическая вещь. А научиться человек в литературе может только одному – быть честным перед самим собой.

– Вам не кажется, что большинству людей просто не хватает терпения прочесть какое-то конкретное произведение?

– Можно читать рассказы. Бывают такие рассказы, как у Бунина, которые могут быть ценнее какого-то трехтомного романа. Пусть каждый выбирает по себе: жанр, книгу. Кто-то любит стихи, потому что они короткие; кто-то – потому что они про любовь и про жизнь; кто-то любит рассказы, кто-то любит журналы, вроде как сразу про все, и быстро, и с картинками. Мы без этого не можем обойтись. Хоть объявления на заборах, мы все равно будем читать. Есть какой-

то отголосок, потому что нам это дано. А если не хватает терпения – значит, не захватывает; значит, надо брать другую книжку, третью, десятую, сороковую, пятидесятую. Ведь бывают книжки, от которых один человек не может оторваться, читает всю ночь, а другому они не нравятся. О вкусах не спорят.

– А Вы каких писателей предпочитаете?

– Знаете, нет такого единого понятия «вот я всю жизнь люблю такого писателя». Просто разные бывают у тебя периоды в жизни: когда-то тебе близок один писатель, когда-то другой, когда-то третий. Когда мы растем – 17–20 лет – это молодость, юность, то читаем стихи Ахматовой, особенно ее «Реквием». Это осознание трагедии русского народа. И это, конечно, «Мастер и Маргарита». Это Достоевский – нервный, злой, раздраженный, мучающийся, страдающий. Потом ты успокаиваешься, у тебя появляется семья, тебя тянет на тихие, размеренные вещи, на Пушкина, например. Сейчас вот я бы сказала, что мой писатель – это Чехов, потому что он человек парадоксов, человек буквально одной детали, одного слова, когда можно уцепиться за одну маленькую деталь и очень много увидеть. Поэтому сейчас, наверное, Чехов, когда очень хочется быть внимательной к деталям, к мелочам, остановиться, не бежать, подумать. И понять, что ответа-то нет. Его просто нет. Ни у Толстого, ни у Булгакова, увы, тоже нет ответа. У Чехова есть замечательная вещь, я ее часто вспоминаю. Сидят люди за столом, просто обедают.

А в это время, может быть, строится их счастье и рушится жизнь – никто не знает. Мы с вами сидим вдвоем, и кто знает, что сейчас происходит? Может быть, это какой-то новый этап; а может быть, что-то где-то сейчас рушится. Чехов одну фразу написал, а у тебя есть минимум десять случаев за день остановиться и подумать: то ли ты сейчас делаешь?

Мне очень нравится западная литература, очень нравится Ремарк. Но я не взяла бы на себя смелость говорить о любимом. Иногда, бывает, ты открываешь Тургенева, «Стихотворения в прозе», читаешь одну маленькую миниатюру и понимаешь: вот это сегодня твое. Открываешь через два дня и думаешь: нет, сегодня мое что-то другое. Поэтому я стараюсь детям на уроках не навязывать свои вкусы никогда. То есть я никогда не скажу: этот писатель замечательный, этот – плохой. Мне одно время очень сильно – ну, как всем, наверное, не нравился Маяковский, он раздражал. На фоне Цветаевой, Ахматовой, Гумилева, Северянина – всей этой эстетской поэзии, и вдруг этот резкий, наглый Маяковский, который просто написал «Как делать стихи»: «мы конвейер включим – и будем штамповать». Ужасно. А у меня 11-й класс, мне уроки вести. Я беру и начинаю читать все о Маяковском. Замечательная книга Олега Михайлова есть. Читаю, читаю, читаю, вчитываюсь в человека. И происходит обратное: я иду на урок, и понимаю, что мне надо очень осторожно его вести, иначе я их заставлю любить Маяковского. Потому что, когда начинаю рассказывать всякие исто-

Вместе с участниками конкурса «Учитель года России» в Павловниках (Московская область), апрель 2003 г.

С младшим сыном Евгением. 2000 г.

рии из его жизни, то понимаю, что дети уже мои, они мне верят. Тем-то и хороша наша профессия.

– Получается, Вы своим мнением можете учеников заставить любить какого-то определенного автора?

– Да, и я этого очень боюсь. Я могу прийти и так рассказать о Некрасове, что они в жизни книжки не откроют. А могу прийти и так о нем рассказать, что у меня класс будет читать его произведения запоем. Но я не буду делать ни первого, ни второго. Я приду и расскажу о Некрасове так, что у них будет выбор: в эту сторону пойти, в другую или просто остаться нейтральными. Литература – очень тонкий предмет. Вот мне, например, не очень, мягко говоря, близко творчество Льва Николаевича Толстого. Он великолепный стилист, философ, я все прекрасно понимаю. Но тем не менее я рада, когда мне ученик после нашего изучения «Войны и мира» говорит: «Знаете, я прочел, и мне понравилось». Я себе ставлю пять с плюсом – он у меня не только прочел, ему еще понравилось, хотя лично мне это не очень близко.

– Как Вы попали на конкурс?

– У меня был последний год аспирантуры, при этом я еще работала в школе. Было трудно, и я попросила директора не давать мне в этом году большую нагрузку. И она согласилась. А накануне должен был состояться конкурс «Учитель года». А в нашей школе, в этом году решили никого не выставлять – тихо, спокойно работать. Но нам сказали, что пришлют штраф: школа – одна из самых сильных в Северном Бутово, а представителя нет на конкурсе. И мне директор говорит: «Знаешь, ты у меня была под рукой, у тебя маленькая нагрузка. Там ничего сложного нет, поучаствуй, я уже отправила твоё представление». И началось все с такого незатейливого участия. Естественно, я понимала самое главное: здесь дело не в твоей фамилии, а дело в том номере школы, которая стоит за твоей спиной. Сначала был номер школы, потом был округ, по-

том был город Москва. То есть дело-то вот в этой ответственности, которая не позволяет тебе плохо, недобросовестно относиться к тому, что ты делаешь. А я отнеслась добросовестно. Но – честно – без личной заинтересованности. Я могу совершенно спокойно сказать, что я не то что не являюсь каким-то лучшим педагогом столицы, я в нашей школе могу назвать 7–10 человек, которые профессионально стоят гораздо выше меня, и я хожу к ним на уроки учиться. Денег в семье хватает, мне это тоже не надо было. Может быть, сыграло роль то обстоятельство, что я особенно не переживала по этому поводу. У меня не было личной заинтересованности, а я, действительно, защищала честь школы. Да, я знаю, что это такое, когда твою фамилию еще никто не слышит, но все слышат номер школы. Это очень тяжело, когда ты каждый свой шаг просчитываешь не с точки зрения «хочу не хочу, буду не буду». Нет, дорогая, ты не можешь позволить, чтобы о твоей школе думали плохо.

И так все понеслось. Сначала был округ. Я выиграла на Юго-Западе, это было накануне 8 марта 2003 года. Выиграла только с помощью моих школьных коллег, потому что мы все делали вместе: одни рисовали, другие сочиняли стихи, третьи репетировали, голос мне ставили.

– Какие задания Вам приходилось выполнять на конкурсе?

– В округе это урок, сначала в своем классе. Это самое простое. Естественно, все уроки проходят в присутствии членов жюри – представителей муниципалитета, окружного управления образования, заслуженных учителей. Потом ты что-то рассказываешь про себя на сцене, ведешь урок в чужой школе. Ты приезжаешь, открываешь дверь и говоришь: «Здравствуйте, дети! Я сегодня буду у вас вести урок на такую-то тему». И вот полчаса твои. Потом ответы на вопросы, какие-то импровизированные пресс-конферен-

ции. Это окружной уровень. Московский уровень – в основном это уроки с чужими детьми. Причем бывает урок 30 минут, 20 минут, 15 минут – время сокращается. Ты свое мастерство должен показать в меньшее количество времени. Потом мы, финалисты московского конкурса, поехали в Подмоскovie. Жили и работали вместе. Там ты уже показываешь мастер-класс на учителях: в качестве учеников – твои же коллеги, десять человек. Ты показываешь урок на сцене, то есть таким образом, чтобы людям в зале было понятно, о чем идет речь. Но это не шоу, не прыжки с флажками. Потом опять ответы на вопросы.

Мы писали какие-то эссе, сочинения, рассказывали о себе в театрализованной форме. И нас осталось пять человек. Финал – на сцене гостиницы «Россия». Там надо было и видеофрагмент озвучить, и букет составить, и рекламу школе сделать, и показать, как ты урок начнешь в чужих классах. То есть проверяют не только профессиональные качества, но и умение импровизировать, говорить, держаться. То, что ты делаешь в науке, тоже важно. И вот так получилось, что 22 мая 2003 года я заняла первое место по Москве. Потом я писала массу сочинений, работ, концепций, тут же мы отдавали их на заочный конкурс по России. Очный – «Учитель года России» – это тоже мастер-классы, уроки при чужих детях в одной школе, в другой школе, уроки, уроки, уроки, пресс-конференции, ответы на вопросы, рассказы о себе. Итоги подводились 4 октября 2003 года в Государственном Кремлевском дворце. Я вошла в пятерку и была победителем в номинации «Традиции в образовании». Славный путь. Я видела массу достойнейших людей. По сути, конкурс – это такая лотерея, где кому-то не хватает характера, кому-то сил, кому-то времени, кто-то теряется. Это ни в коем случае не выбор лучшего. Это выбор человека, который будет на какое-то время адекватно представлять профессию.

Нет распределения – второе, третье место... Каждый финалист – победитель в какой-либо номинации, и потом – абсолютный победитель.

– Вы ожидали, что станете лучшим учителем Москвы?

– Что вы, для меня это было огромным потрясением – честно, я совершенно не вру. Мне вручают грамоту, диплом и цветы, дают еще сумму денег. А я: «Какие деньги? Зачем? Боже мой, деньги-то мне за что». У меня этот момент даже где-то провалился в памяти, потому что, казалось, достаточно и грамоты. И тут же я поняла, что если я стою между Людмилой Шевцовой и Любовью Кезиной, то мне теперь отступать некуда, потому что за спиной Москва.

– Как Вы оцениваете уровень среднего образования в России?

– Да хорошее у нас образование в России. Традиции мощные, их просто

так не разрушишь. И преподаватели прекрасные. Пообщавшись с профессионалами из других стран, я поняла, что мы очень обучаемы, и у нас действительно где-то на подсознательном уровне сидит, что одна из наших главных обязанностей, особенностей – это желание учиться. Не у всех это есть народов. А в нас это очень крепко сидит. И очень хорошо, что это есть. Поэтому я не вижу кризиса школы. Я к этому отношусь очень спокойно. Все меняется, школа, образование, общество. Да, все будет не так, как было. Да, есть все время какие-то опасные тенденции, они всегда будут: упрощение, опшление образования. Грубое слово, но это так: сведение его к каким-то палочкам, галочкам, тестам и мелочам. Ну и что? Победим. Большинство у нас разумное. У всех есть дети, и в Думе все понимают, что без образования ты никуда в любом случае.

Высшее образование, к сожалению, уже не то, что было раньше. Беда в его коммерциализации – среднее образование она затрагивает еще не сильно, но высшее страдает. Пугает совершенно нищенское положение преподавателей вузов. Они зарабатывают в несколько раз меньше, чем я, учитель в школе, а они – доктора, профессора, авторы трудов. Иногда так и хочется сказать в адрес государства: «Ну, нельзя же так, надо же совесть иметь». Тем не менее все равно число студентов растет, люди образование получают, учатся, работают. Жизнь не стоит на месте. Все будет хорошо.

– Как Вы считаете, надо ли что-нибудь менять в системе сегодняшнего среднего образования?

– Ой, вот только не надо ничего менять. Я безумно боюсь каких-то флагов и революций. Это не потому, что я такая ретроградка, а потому, что за любой перемены, мне кажется, стоит просто чье-то самоутверждение. Не надо ни за кого играть. Поэтому и менять ничего не надо.

Мне ребенок написал в работе к Дню учителя: «Мы, ученики, должны успеть за жизнью, а учителя должны успеть за нами». А ведь верная фраза. Надо успевать за нашими детьми, а наши дети успевают за жизнью. Надо быть мобильными, но не революционными, потому что школе противопоказана революция.

Мы меняем концепцию, мы изменяем программы, изменяем форму экзамена, но это не взрыв, как революция. Все делается постепенно. Поступательное движение должно быть, рывков, скачков – нет.

– Если отбросить образовательную сферу, то какие проблемы сейчас в школе?

– Материальное обеспечение. Даже не зарплата учителей, нет. Школа – второй дом. Дайте нам удобные парты, хороший яркий свет, красивые шторы, телевизор, компьютер. Дайте, пожалуй-

ста. Не дадут, я знаю. Считают: мы и так научим.

Еще одна проблема не менее важная – положение учителя в глазах общества. Мы живем на какой-то мифологии: учитель – это такое мелкое, забытое существо, похожее на официанта, который работает в сфере услуг. Ты ходишь с подносом, и к тебе человек приходит в первом классе ребенком. «Что желаете?». Тебе говорят: «Это, это, это, это». Проходит десять лет, человек с подносом говорит: «Вот что вы пожелали». Если человеку это понравилось, он тебе даст немножко денег, если же нет – он больше не придет в твой ресторан, в лучшем случае. Учителя надо вывести из такого положения работника сферы услуг. Не такие мы несчастные, бедные, забытые, нет. Мы хорошие, добрые, нормальные, адекватные люди. И не такие мы авторитарные. И не так уж мы прямо и чего-то боимся, и не так мы зависимы, нет.

– В чем, на Ваш взгляд, основная беда подрастающего поколения?

– В самоопределении, самоактуализации. Мир такой разный, он так быстро меняется, все так непонятно. Где я, что я, куда мне, как быть? И страх от того, что я не найдусь. А может быть, туда? А может быть, сюда? А как? А что? А где? А вот уже там все замуж выходят, да? А может, мне все-таки ребенка родить? А может, все-таки поучиться?

Что делать? Звучит глупо, но книжки читать, потому что вся русская литература – про то, как найти себя. Еще раз, чему учит литература? Не врать себе. Вот и все. И если ты, к примеру, не можешь, то есть у тебя внутри все поднимается оттого, что при тебе кого-то обманывают, – не надо идти в те сферы, где это делается. Не ври себе, и все. И этому литература учит. И мы учим, занимаемся: со всем можно разобратся, видеть в других не врагов, а помощников, в том числе и в школе.

Отчего наркомания? Отчего алкоголизм? Почему бы мне не взять бутылочку пива? А то, что меня первое время тошнит и голова болит – так это пройдет. Это же все оттуда, понимаете? Это все следствия, а мы о причинах говорим.

– Как Вы проводите свободное время, какие у Вас увлечения?

– Да нет у меня свободного времени. Мое свободное время – это моя семья, мои дети.. Я безумно люблю возиться с детьми. Вот просто люблю. Даже мы на дачу едем: все дачные дети – 13, 14 человек – все мои. Уже неважно, они друзья моих детей, не друзья – они все мои. Мои дети ходят в сад – вся группа детского сада – все мои друзья, все меня знают. У меня ребенок ходит в школу – мы с классом дружим. Я прихожу – все, у нас общие дела. Люблю я это. И я не вижу своей ущербности в том, что я, может быть, мало готовлю или плохо стираю. Да, я не собираю ни марки, ни значки. У меня есть дети, и все, что связано с детьми, – мне это все очень нравится. Это мой образ жизни. Все время какая-то творческая беготня: сегодня мы с детьми рисуем газету, завтра мы придумываем сказки, послезавтра мы ждем Деда Мороза. Все время какие-то задумки. А еще я очень люблю читать.

– Татьяна Викторовна, что Вы можете пожелать читателям нашего журнала?

– Дорогие читатели журнала «Признание»! Верьте самим себе, не предавайте себя, и пусть вам в этом поможет действительно великая, классическая литература. Умейте радоваться жизни, ведь в ней так много мелочей, и не стоит думать, что каждая мелочь играет роль лишь тогда, когда от нее рухнет наша жизнь. Может быть, есть маленькие моменты счастья, которые мы не чувствуем, обкрадываем сами себя. Радуйтесь, глядя вокруг, и еще раз: не обманывайте себя, это, я думаю, самое главное.

Михаил ЦЕМЕЛЕВ

С дедушкой С.Л. Zubovым и дочерью Викторией